

Вырезка из газеты

Журн. Соврем. Театр.

г. Москва

от

1927 г.

№ ДЕЛА.

72 АВТ. 1928

КАКОВ ДОЛЖЕН БЫТЬ БОЛЬШОЙ ТЕАТР*)

ПЕРЕВОСПИТАНИЕ

ПОЮЩЕГО МАНЕКЕНА

Прежде всего и важнее всего определить, что такое опера. Из словарей, затемняющих иногда истинный смысл понятий, нам известно, что задача оперы — усилить с помощью музыки драматическое произведение, а далее, что преобладание в итальянской опере эффектной вокальной виртуозности превратило эту оперу в «костюмированный концерт». (Отсюда, вероятно, происходят и «ряженные певцы» В. И. Немировича-Данченко). Еще далее читаем мы о другом перегибе — о доминирующей роли в некоторых оперных произведениях усложненной инструменталки, глушащей пение и слово певца.

Но словарь в данном случае не для музыкантов, а больше для людей некомпетентных и чужаков. Поэтому посмотрим, что говорит об опере сама жизнь.

А жизнь утверждает, что опера — сложнейшее искусство, со свойственными каждому моменту песни эмоциональными разрядами. Отсюда очевидно, что музыка в опере должна находиться в полном соответствии со словом. И отсюда уже совершенно ясно, что оперное произведение — участок так называемой бытовой музыки.

Эти выводы и должны по-моему предопределять до известной степени характер всякого реформаторства в области оперного зрелища. Они ясно указывают, что оперное реформаторство не может питаться исключительно эстетическими и может быть даже высоко-интеллектуальными истоками, но наоборот должно основываться прежде всего и, главным образом, на требованиях быта. Здесь не надо забывать, что и «Травиата», и «Фауст», и даже пресловутая «Аида» до сих пор еще звучат на сцене, как это ни противно кабинетным адептам оперной эволюции и их подозрительным заключениям. В этих какущихся противоречиях следует, очевидно, разобраться полностью, и вот тут-то реформаторы и реорганизаторы оперного театра, при всей своей чиновости и инициативе, должны, по-моему, неизбежно втянуть в свою важную работу наши музыкальные авторитеты. Авторитеты конечно без ковычек.

В прошлом номере «Совр. Театра» А. И. Сви́дерский определил «головоуловщину» ГАБТ'а как одно из явных указаний на необходимость реорганизации вообще оперного дела. Если при этом тов. Сви́дерский основывается на необходимости воспитания нового оперного артиста (певца-актера по Немировичу-Данченко) и на выявлении нового оперного репертуара, максимально удовлетворяющего требованиям коммунистического революционного духа, то разумеется спорить здесь совсем не приходится. Но другое дело, если в реорганизованном оперном театре станут заметным явлением постановки «Карменсит» вместо «Кармен».

«Карменита и солдаты» исключительная постановка В. И. Немировича-Данченко — и как лабораторная работа, выше всяких похвал, но на большой сцене эта постановка сверххушковая штука, подлинное гурманское зрелище, обремененное, к сожалению, на равнодушие массового слушателя и при всем этом постановка, стоящая жизни гениальному оперному произведению.

В. И. Немирович-Данченко безусловно прав, заботясь о новом оперном певце, о певце-актере. Эти певцы, а их В. И. сумеет создать, помогут

в старых операх вскрыть такие красоты, от которых эти оперы оживут до неузнаваемости. Поэтому, если реформа всеерьез, так прежде всего полное перевоспитание оперного артиста, этого пока «поющего манекена».

Что же касается нового репертуара, то тут, не смотря на крайнюю нужду в новой опере, придется, наверное, подождать. Мне думается, что к моменту театральной совершеннолетия нового актера-певца подрастет и революционный оперный композитор, который сейчас, если идти от 17-го г., ходит еще в подростках.

В заключение, хотелось бы оказать два слова о дальнейших судьбах ГАБТ'а. Впрочем, тут уже все сказано. Исключительный ум и тонкая художническая наблюдательность А. В. Луначарского эти судьбы определяет приблизительно так: ГАБТ должен выполнять академические театральные обязанности, т.е. закреплять сложные постановки, выверенные длительным опытом. В обязанности ГАБТ'а не должен входить эксперимент, легкомысленный налет на будущее. И эксперимент, и «налеты» делаются другим театром, выполняющим при ГАБТ'е — сверххорошо — роль проводника-крестера.

Отсюда ясно, что при всяком оперном реформаторстве ГАБТ должен жить, будет жить и не должен бояться напора исторической правды, если руководители этого театра вырут с корнем внутри него всякие плевелы, произрастающие до последнего времени.

Научн. спец. по Музо при Главнауке
Н. ШУВАЛОВ

НЕСКОЛЬКО ПОЖЕЛАНИЙ

Выздоравливающему после операции врачи рекомендуют покой и диету.

Мы не можем посоветовать Большому театру ни того, ни другого. Нам кажется наоборот, что способ лечения, прописанный театру правительственной комиссией и советской общественностью, врачами от искусства, — требует, чтобы больной все время вплоть до полного выздоровления был на ногах. Быть может это не совсем сообразно с медициной, но вполне диктуется общественной необходимостью.

Довольно академического покоя, хватит репертуарной диеты.

В портфеле театра полностью или частично имеются оперы «Тупейный художник» — Шишова, «Прорыв» — Поточного, «Амраи» — Столяра (называть наудачу).

Увидит ли хоть одна из этих или других новых русских и иностранных опер свет рампы в наступающем сезоне? Сомнительно.

Рабочая общественность, чутко следившая за всеми фазами кризиса Большого театра, вправе быть в курсе всех шагов театра, предпринимаемых в развитии правительственного постановления.

Главное, что теперь от Большого театра требуется, — это упорная работа. Она будет плодотворна при тесно спаянном, хорошо сознающем свои художественно-общественные задачи коллективе, при твердом и умелом организационном и художественном руководстве, при четкой без разлабности работающем аппарате, при тесной связи с рабочим зрителем и еще раз при отличном темпе.

He andante, а по крайней мере allegretto!

Член Художественного Совета ГАБТ'а

О. ЛИТОВСКИЙ

*) См. «Совр. Театр» №№ 28—29, 30—31.